

В связи с юбилеем Пушкинского театра возвращен на экраны и показан по телевидению документальный фильм «Николай Симонов» — единственный, где великий советский артист предстал перед зрителем не только в гриме, но и без него.

Фрагменты из фильмов и фильмов — спектаклей не впечатляют не могут — Симонов есть Симонов. Но есть в фильме и нечто такое, что тогда — десять лет назад, а особенно теперь, когда уже нет великого артиста, оставляло и оставляет огромное, неизгладимое впечатление. Это живой Симонов, Симонов без грима.

чества, ощутить, нащупать «границы и черточки», из которых вылеплены все его характеры.

А вот Симонов без грима впервые приоткрылся зрителю только в документальном фильме, о котором идет речь. Конечно, выступление перед теле- и кинокамерой, хотя и без грима, это еще не совсем то, что Горький любил называть «человек наедине с самим собой». Тем более поразительно, что

мой плодотворной была встреча с одним из замечательнейших советских режиссеров В. П. Кожичем. Ее неувыдающийся итог — образ Федя Протасова в «Живом трупе». Чтобы по возможности глубже прочувствовать актера, следует пристальнее всматриваться в его глаза. Глаза Симонова в этой роли, кажется, позволяют словно бы рентгеном просветить самое дно души. Это глаза и Федора Протасова, и Ни-

УРОКИ

НИКОЛАЯ СИМОНОВА

Человек — артист наедине со зрителем...

Слегка перефразируя слова поэта, каждый артист может сказать о себе: «Я — актер, только тем и интересен». На поверку оказывается — не только тем. Если речь идет о выдающемся человеке или замечательном художнике, даже личное в нем приобретает особый интерес, общественную значимость.

Знаменитый американский поэт Уолт Уитмен перед тем, как создать свой шедевр «Листья травы», начертал себе заповедь: «Пойми, что в твоих произведениях не может быть ни одной черты, которой не было бы в тебе самом».

Если так говорит поэт, то что может сказать о себе актер? Ведь между ним и зрителем нет посредников, и строгий материал, из которого актер лепит образ, — он сам, его собственное «я». Другого нет и не может быть. Неповторимый симоновский голос внушает нам с экрана: «У живописца — краски, кисти, холст. У писателя — бумага, перо. У скульптора — глина, мрамор, гипс. У актера — только он сам».

Конечно, парик, грим, прочие принадлежности актерской косметики могут помочь актеру уйти от себя, но далеко он не уйдет. Давно кануло в вечность поверье, согласно которому актер — это «говорящая труба», которая произносит чужие слова не своим голосом. Симонов это понимал лучше многих своих собратьев по искусству. Незадолго до смерти он сказал в одном интервью: «В творчестве нельзя не быть самим собой. От себя не уйдешь. Невозможно натягивать на себя образ, подгонять его к себе, как костюм... Ищу в себе те грани и черточки, из которых можно вылепить потом характер...»

Личность актера, свойства души и характера тем и интересны, что позволяют заглянуть в лабораторию его твор-

актер, которого привыкли именовать театральным, картинным, держится перед камерой (к тому же не скрытой) предельно естественно, непринужденно, непосредственно.

Глядя на экранного, незагримированного Симонова, нельзя не поддаться обаянию большого, красивого человека, его искренним, из сердца идущим интонациям, его ясному, прозрачному, одухотворенному взгляду.

Станиславский не переставал отстаивать истину, которую мы помним не всегда: «...Артист может переживать только свои собственные эмоции... чувства принадлежат не избранному лицу, созданному поэтом, а самому артисту... Никогда не теряйте самого себя на сцене. Всегда действуйте от своего лица человека-артиста».

И вот, когда думаешь об этих напутствиях Станиславского, которые Симонов полностью разделял и исповедовал, не только восхищаешься талантом артиста, но еще и сожалешь, что многое, очень многое из богатейших россыпей щедрой личности человека-артиста не стало достоянием зрителя, не переплавилось в сценические и экранные образы.

Если судить по фильму, са-

моля Симонова.

А улыбка, неповторимо-своеобразная улыбка Симонова-человека, словно извиняющаяся, обещающая юмор добрый, светлый, одухотворенный. Где этот симоновский юмор на сцене или на экране? Его нет. Где лирически-пронзительная, непосредственно — доверительная интонация, с которой незагримированный Симонов разговаривает с экраном? Ее не достроило большинство режиссеров-постановщиков театра и кино.

Все это тем обиднее, что сам Симонов и по убеждению и по своему творческому почерку — теперь мы это понимаем — был актером исповедального склада, сторонником того метода перевоплощения, за который ратовал Станиславский.

Оставаться на сцене и на экране в разных непохожих ролях самим собой — свойство только очень большим талантом. Таким был Симонов.

Документальные фильмы о выдающихся мастерах сцены теперь не редкость. Но, не впадая в преувеличения, можно утверждать, что такого откровенного, доверительного рассказа о себе больше не было.

Автобиографическую исповедь артиста, зафиксированную фильмом «Николай Симонов» смело можно отнести к лучшим созданиям актера за всю его долгую, плодотворную жизнь в искусстве. Ведь и на сцене, и на экране он мог рассчитывать на победу только там, где мог не изменять себе, своей искренности, своей непосредственности. Хорошо сказала об этом критик Н. Крымова: «В последние годы он поражаал откровенностью, почти нугающей, граничащей с исповедью, и в этой своей исповеди был так высок и прекрасен. С удивительной простотой и прямоотой он открывал свою душу, свой мир — и как бы ни были различны роли, трудно, почти невозможно было провести границу между образом и самим Симоновым».

С. ОСОВЦОВ

В НЫНЕШНЕМ году Академическому театру драмы имени А. С. Пушкина 225 лет. Учрежденный правительственным указом в 1756 году, он с первых же лет стал заметным очагом отечественной театральной культуры, здесь закладывались основы национальной режиссуры и педаго-

гика. Программа юбилейного сезона обширна и насыщена. Здесь и Всесоюзный фестиваль кинофильмов с участием артистов театра, и творческий отчет в Москве, и юбилейная декада лучших спектаклей, которая пройдет в Ленинграде сразу после Нового года.

● ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

НЕТ НЕЛЮБИМЫХ РОЛЕЙ

и воспевалось в само собой слагающихся мелодиях: речка да роща, закат и рассвет да вставшая над полем радуга...

Позднее, уже будучи студентом Куйбышевского культпросветучилища, Миша увлекся живописью — пейзажи русских лириков Федора Васильева и Алексея Саврасова стали для него примерами зримо воплощенной поэзии. Немудрено, что в армии юноша оказался в роли ротного художника. Позднее он пристрастился к чтецкому мастерству и, осваивая репертуар, выучил наизусть несколько книг стихов — Пушкин, Тютчев, Плещеев, Есенин...

В Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии Михаил Долгинин попал с первого «захода». Приняли его в класс народного артиста СССР Игоря Горбачева.

— Миша — прирожденный артист с незаурядным даром художественного мировосприятия, — говорит Игорь Олегович. — Мой учительский долг состоял в том, чтобы, профессионально помогая ему, ни в чем не ущемить и никак не ограничить его талант. Те, кому довелось видеть дипломную работу молодого артиста в чеховском «Медведе», не могли не отметить его завидную фантазию и редкостную пластическую свободу.

Русская реалистическая комедия («Горячее сердце» А. Островского) и итальянская комедия дель арте («Зеленая птичка» К. Гоцци), современная советская драма («Живой помни» В. Распутина) и классическая западноевропейская («Пер Гюнт» Г. Ибсена) — диапазон, доступный лишь опытному мастеру. Меж тем он пришлось под стать и молодому дебютанту Михаилу Долгину.

На постановку «Пера Гюн-

та» Пушкинский театр решил лишь в 1979 году, когда в ходе читки стало ясно, что у народного артиста СССР Бруно Аргуновича Фрейндлиха, назначенного на главную роль, есть достойный партнер для роли Пера в юности. Уже в начальной сцене с матерью Пер — Долгинин предстал перед нами во всей безыскусной красоте своей души: веселый, словно лучистый, взор, яркая, исполненная остроумия речь, легкая, стремительная поступь... Он очаровал жизнью, все в ней для него — волшебство.

Актер нашел единственно верную тональность и в слове, и в пластике. Кажется, допущен он в рассказе об охоте хоть одну лишнюю ноту, хоть один лишний жест, весь облик Пера тотчас обретет этукую нарочитую разудалость. Чувство меры и точное чувство стиля, редкие для начинающего исполнителя, обеспечили М. Долгину успех на равных в дуэте с актрисой старшего поколения А. Белоусовой, играющей роль Осе.

Ансамбль этих артистов — именно дуэт, ибо и начальная сцена, и эпизод смерти Осе в их трактовке являют собой примеры, подлинно классического дуэта, когда каждая нота и даже пауза в устах одного образуют гармоничное единство с партией другого, подобно тому как это происходит в музыкальном искусстве.

Нас не удивляет, что многие зрители идут смотреть тот или иной спектакль по несколько раз ради любимого артиста. Только в основном это бывает, когда артист — знаменитый, народный. А вот у Долгинина «своей» зритель появился чуть ли не сразу после его дебюта — его больно обещающими оказались первые же его выступления на академической подмостках. Пусть роль маленькая, пусть совсем крохотная роль, бессловесная, — актер умеет наполнить ее конкретным психологическим содержанием, выходя всякий

раз к зрителю с уже сложившейся «биографией», с тем внутренним посылом, каковой придает каждому его персонажу черты реально действующего лица. Вспомним такие отнюдь не главные роли, как Севка в «Дни отца своего» В. Лаврентьева, Дима в «Вечернем свете» А. Арбузова, Закиров в «Тринадцатом председателе» А. Абдуллина, Сережа в «Пока бьется сердце» Д. Храбровицкого или Павлик в «Ивушка не плачет» М. Алексеева... Если эти роли и оказались интересными, то в немалой степени благодаря таланту Михаила Долгинина. И все-таки актеру еще не поспешилось сыграть большую, значительную по сути роль нашего современника, где бы не только полно раскрылись его драматические способности, но и нашла отражение его гражданская позиция.

В ожидании новой захватывающей пьесы были успешно сыграны главные роли в фильмах «Свадебная ночь» («Белая русьфильм»), «Пропавшие среди живых» («Ленфильм»), а также роль Леша Субботина в телеэкранизации пьесы Л. Малюгина «Старые друзья».

Нет ролей, которые бы я не любил, в каждой из них можно отыскать хоть крупину нового и для себя, и для зрителя, — сознается мой собеседник. — Однако не стану скрывать ностальгии по настоящему современному образу. Во время многочисленных поездок с театром по стране, да и во встречах с людьми по долгу моей депутатской работы в райсовете не перестаю удивляться будничному героизму соратников. Сколько прекрасных характеров, сколько поистине романтических свершений и на стройках, и в цехах заводов, и в лабораториях ученых! Выходит, что драматурги не поспевают за событиями нашей жизни?

Судя по всему, в новом сезоне, когда старейшая профессиональная труппа страны отмечает свое 225-летие, коммунист Михаил Долгинин предостит напряженная работа: одна из центральных ролей в пьесе А. Салынского «Молва» о годах становления Советской власти, роль Эжена в спектакле «Отец Горно» по роману О. де Бальзака. А помимо того, разнообразные обязанности члена художественного совета театра, очередная кинопроба на «Мосфильме», шекспировские выступления перед труженниками села. А еще... Сергей Есенин. Актер не оставляет своей мечты подготовить монографический вечер «Гой ты, Русь моя родная!..»

Ю. ОРОХОВАЦКИЙ